

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(47),084.9

НГУ: СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1960-х

Статья вторая

И. Жежко-Браун

Американская политическая
ассоциация,
Бостон, США

irinazbraun@gmail.com

Предметом анализа является студенческое движение НГУ в 1963–1967 годах. Имеющиеся публикации на эту тему недостаточно покрывают его историю и неточно квалифицируют это явление. Основным вкладом автора является сбор и анализ фактов о студенческом движении НГУ в 1960-х годах. Развитие гражданской активности явилось незапланированным побочным результатом Сибирского эксперимента, который остается актуальным в сегодняшнем поиске решений по обновлению общественной системы. Статья анализирует предпосылки и факторы студенческого движения, а также полный спектр студенческой коллективной деятельности: самоуправление, клубные формы активности, суд над антисемитами, участие в выборе ректора университета и в сохранении автономии университета и академических свобод, защита преподавателей и товарищей от политического преследования. Показано, что оно было первым открытым, легальным и наиболее продолжительным студенческим движением после 1920-х, примером оппозиции без диссидентства, движением по самоорганизации и изменению общественной системы снизу. Оно пошло дальше всех других студенческих движений того периода в формировании ячейки гражданского общества. Статья основана на фактах из истории университета, подкрепленных воспоминаниями студентов и преподавателей, социологических наблюдениях в сочетании с эссенстикой и документальными данными.

Ключевые слова: студенческое оппозиционное движение, гражданское общество, самодеятельный образ жизни, 1960-е гг., клуб, Новосибирский государственный университет, НГУ, Академгородок.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-109-134

В предыдущей статье (см. Идеи и Идеалы. 2016. № 3, т. 1) были подробно описаны предпосылки и условия возникновения студенческого движения в Новосибирском государственном университете (НГУ), наиболее длительного протестного и в то же время открытого студенческого движения 1960-х годов. Повторим их

кратко: установка в образовательном процессе университета на развитие свободно-исследовательского мышления, самостоятельность и индивидуальное развитие студентов; компактность проживания и высокий интеллектуальный уровень студентов; университет нового типа и его автономный статус; корпоративный дух студенче-

ства и его солидарность с преподавателями в поддержании автономии университета; влияние на студентов активной гражданской жизни в городке; новая социальная конъюнктура в стране, включая временное ослабление и дезориентацию идеологического контроля после XX съезда

Была также изложена краткая история этого движения, основанная на воспоминаниях одного из его инициаторов Виктора Дорошенко. *Насколько она полна и верна?* Я обратилась с этим вопросом к своим студенческим товарищам и попросила написать, что они помнят из студенческой политической жизни, в частности, об основных акциях и формах студенческого движения. В этой статье собраны вместе и обработаны их ответы, а также отрывки из опубликованных мемуаров на эти темы. Наши совместные воспоминания были разделены мною на три главы: клубное движение в НГУ как питательная почва гражданской активности, университетские газеты, политические акции студенческого движения.

Клубное движение в НГУ как питательная почва гражданской активности

Прежде чем перейти к рассказу о клубной жизни НГУ в 1960-е, надо сделать пару замечаний о социальной природе клубов и их потенциальной роли в общественной жизни.

Существует несколько разных значений термина «клуб» и, соответственно, видов и форм клубов и клубной деятельности. Для нашего анализа важно указать на то, что клуб есть всегда добровольная и открытая коллективная публичная деятельность, предполагающая некоторый уровень самоорганизации и вовлеченности его участников в активность клуба.

Мысль о том, что практически всякие формы клубной активности при авторитарном (и не только) режиме являются зародышем гражданского общества, абсолютно не нова. В истории СССР можно выделить три основных всплеска клубной активности: в 1920-х, 1950–1960-х и 1980–1990-х годах. В конце каждого из этих периодов клубы за счет самоорганизации начинали действовать как самостоятельные субъекты и тем самым явно или неявно выходили из-под идеологического контроля государства. И каждый раз советской государственно-партийной системе с помощью арсенала воспитательных и принудительных мер удавалось взять под полный контроль клубную активность молодежи и взрослого населения страны и значительно ослабить ее главные пружины – самоорганизацию и самовыражение.

Не все из клубов в момент их образования имели политическую проекцию своих интересов, однако подавляющее большинство политизировалось по мере становления их как социальных субъектов, а также в случае изменения социальной конъюнктуры в стране и появления возможностей влиять на ее политический курс.

В 1920-х годах советская власть сама способствовала вовлечению всех слоев населения в клубную деятельность, так как намеревалась воспитывать в клубах нового человека – строителя коммунизма. Для этой цели было построено множество клубных зданий по всей стране. В 1950–1960-х годах страна, воспряв после войны и разоблачения культа личности Сталина, с новой энергией вернулась к клубной жизни, однако она была всё еще крайне заорганизована и несамостоятельна.

Эпоха перестройки вдохнула новую жизнь в клубную активность. Третья вол-

на клубов (1980–1990 годы) оказалась наиболее политически активной. Остановимся на ней подробнее, так как именно она вобрала в себя опыт гражданской активности в Академгородке (далее Городке). Массовое клубное движение этой волны сначала с эфемистической приставкой «неформальное», а потом уже без нее, вырвалось из-под идеологического контроля государства и послужило закваской для гораздо более мощного социального движения в 1990–1991 годах [19]. Во многом этому способствовала инициатива реформистского крыла КПСС, которое пошло на частичную легитимизацию и поощрение клубного движения путем принятия в 1985 году. «Положения о любительском объединении, клубе по интересам». «Положение» впервые после 1920-х годов давало легальное основание для создания клубов по интересам. На базе этого положения выросли первые московские политические клубы «Перестройка» и «Клуб социальной инициативы» (КСИ). В частности, «Перестройка» возникла в 1987 году под эгидой Центрального экономико-математического института с участием Клуба друзей сибирского журнала «ЭКО», издающегося в Академгородке.

Клубное движение стало главным рычагом социальной мобилизации в эпоху перестройки сначала в уличном пространстве, а затем и на страницах прессы и в стенах парламента. Движение, первоначально насчитывающее всего лишь несколько сотен человек, вызвало тектонические сдвиги в обществе, в частности способствовало «расколу» КПСС изнутри, изменению конституционного статуса КПСС, и тем самым изменению политической системы страны. Московские политические клубы сознательно избрали отличную от диссидентской *тактику социального измене-*

ния. Фактически клубное движение стало альтернативной диссидентству формой гражданской оппозиции, частично вобрав в себя наиболее активных его представителей.

Уточнив наше понимание клубов, вернемся к истории студенческого движения НГУ в 1960-х годах и покажем, как в нем на клубной почве выросли центры гражданской самодеятельности.

Клубные формы жизни сложились в НГУ с самого его рождения. Первый курс, набранный осенью 1959 года, жил в палатках, а маститые ученые М.А. Лаврентьев, С.Л. Соболев, А.А. Ляпунов и первый ректор А.В. Векуа ходили к ним по вечерам, читали лекции у костра и отвечали на вопросы студентов.

Разносторонняя клубная жизнь Академгородка оказывала прямое влияние на студентов. Нас не принимали во «взрослые» клубы, и мы сформировали свои. Некоторые из них копировали городковские клубы, как киноклуб «Кадр», другие были нашим собственным изобретением. В НГУ функционировали факультетские и общеуниверситетские студенческие клубы, КВН, театральные труппы, кружки по интересам и инициативные группы, проводящие вечера, выставки, выпускающие стенные газеты и т. д. Даже студенческие строительные отряды в университете были вовсе не принудительной кампанией и прямым копированием опыта МГУ, а скорее нашей собственной «клубной» формой активного досуга летом (если учесть грошовую оплату нашего труда, то выходит, что мы работали «за интерес»). Клубы и кружки до поры до времени не только не преследовались, но и в определенной степени поощрялись администрацией, комсомолом и партийной организацией.

Общественно-политический кружок (ОПК) (рук. Виктор Дорошенко). История ОПК подробно изложена в первой статье. Здесь я только поделюсь собственным опытом участия в этом кружке. Первым шагом на пути моего политического самообразования стал неофициальный семинар в ОПК по работам В.И. Ленина. Наши обязательные университетские курсы по общественным наукам не требовали от нас чтения источников, самостоятельной аналитической работы и обсуждения смысла прочитанного. Кружок был моим первым опытом анализа политических текстов. Многие из вопросов, которые были затронуты в кружке, позднее обсуждались в дискуссионных клубах университета. Члены ОПК активно участвовали во всех последующих событиях студенческой жизни.

Вспоминает Эра Севостьянова (экономический факультет, 1964–1968 гг.), участник ОПК: «В 1964 году... мы, студенты молодого Новосибирского университета, организовали так называемые “Ленинские чтения” (Севостьянова имеет в виду занятия, организованные ОПК – И.Ж.). < > Все мы пытались найти свое место в надвигающихся переменах... < > Обсуждать доклады в узком кругу скоро стало бессмысленно, поэтому на наши чтения мы стали приглашать широкую общественность... < > мы пригласили тогда молодого, но уже известного ученого, академика, экономиста А.Г. Аганбегяна. < > Аганбегян согласился рассказать о том, почему в магазинах не стало хлеба, мяса, других продуктов... < > Когда Аганбегяну задали прямой вопрос, какой же выход из положения он видел в сложившихся обстоятельствах, он ответил, что выход... есть “лишь в полной реорганизации всей политической жизни страны...”. < > ... после чего некоторых из нас вызвали на со-

беседование в комитет комсомола НГУ, в КГБ. Всем нам как-то стало очень оскорбительно оттого, что, как оказалось, там знают всё о нас: кто, где и что, даже когда сказал. Осмысливать тяжелейшее экономическое положение родной страны под увеличительными линзами работников КГБ стало просто невозможно, и тогда каждый из нас ушел в свое конкретное научно-практическое увлечение: в этнографию, историю СССР, археологию, экономику, физику, математику» [18].

Однако в 1964 году далеко не все из нас ушли «в свое конкретное научно-практическое увлечение». Как мы покажем дальше, кружок ОПК дал толчок последующему студенческому движению.

Клуб студенческой инициативы (КСИ). В 1965 году на мехмате под руководством секретаря факультетского комитета комсомола Володи Бородихина, члена ОПК, и при моем активном личном участии как его заместителя возник Клуб студенческой инициативы (КСИ). Члены КСИ и их друзья активно включились в *демократию с маленькой буквой*, или, иначе говоря, в демократию на местном уровне: в самоуправление в общежитиях, контроль за работой столовой и библиотеки, формирование строительных студенческих отрядов и организацию их профессиональной и духовной жизни.

Наш КСИ помимо студенческого самоуправления организовывал дискуссии, выставки и другие мероприятия. В марте 1965-го под эгидой КСИ состоялась общеуниверситетская дискуссия «Наука и демократия».

«В холле общежития студентов-математиков собралось более сотни студентов. С установочным докладом по теме < > выступал академик А.Д. Александров. Выступление его было в меру острым и критич-

ным, но мы, студенты, тогда мало привычные к критике в пределах возможного, что называется, “завелись”: < > столичный либерализм не так давно приехавшего в Академгородок А.Д. Александрова воспринимался как необычайная новинка. Дискуссия разгорелась сразу и жаркая. Пробыв на ней час и выступив с предварительным заключением, академик отбыл, пожелав нам разобрататься в проблеме. Дискуссия же длилась до глубокой ночи, и всё это время вел ее, дирижировал ею И.С. (преподаватель философии Игорь Серафимович Алексеев – И.Ж.), постоянно выправляя многократные сбои эмоциональных и недостаточно разумительных студенческих речений, не позволяя дискуссии уйти в песок, но доведя ее до резолюции о необходимости демократизации науки» [5, с. 449]. Отчет об этой дискуссии был напечатан в стенной газете «Треугольник». И.С. Алексеев был организатором и других диспутов с вопросами: «При каких условиях демократия является фикцией и как с ней бороться?», «Зачем комсомол стране, зачем комсомол нам?» [Там же, с. 447].

Выше говорилось, что университетское руководство поощряло наши диспуты, однако их позиция по этому вопросу нередко приходила в противоречие с позицией КГБ и Новосибирского обкома КПСС. В частности, диспуты о демократии вызвали резкую отповедь с их стороны. Поскольку И.С. Алексеев был членом партии и заместителем секретаря комитета комсомола НГУ по идеологии, то в первую очередь состоялось обсуждение итогов диспута на партбюро и собрании коммунистов университета. Историк А.Г. Борзенков приводит цитату из протокола заседания университетской партийной организации, где говорится, что «студенты на диспуте выдвигали

“ошибочные” и даже “ревизионистские” утверждения. В их числе, например, значились следующие тезисы: диктатура пролетариата порождает культ личности; комсомол изжил себя как в стране, так и в университете; необходимо создавать общественные организации, независимые от партбюро и комитета ВЛКСМ» [Там же, ч. 2, с. 17]. Партбюро указало Алексееву на недостатки в организации этого и других диспутов, давших повод для массовой критики университета со стороны вышестоящих инстанций, и предъявило ему еще несколько претензий по работе в комитете. В постановлении собрания появилась следующая формулировка: «Предупредить Алексеева за ошибки в руководстве идеологической работой в комитете ВЛКСМ и отрыв от партии» [Там же].

Еще одной акцией КСИ была выставка самодеятельных, или иначе неофициальных, художников Новосибирска в фойе общежития гумфака. В то время такие неофициальные выставки были большой редкостью даже в Москве, не говоря уже о провинциальных городах.

Этой же весной в день «всенародных выборов», вместо того чтобы влиться в 99.9 % избирателей и «выполнить свой гражданский долг», актив КСИ всей дружеской компанией по собственной инициативе уехал ранним утром на электричке в ближайший поселок выступать на избирательном участке. Мы сидели на сцене и пели студенческие и советские песни кто как мог, вокруг искусственно подсвеченного костра. Мы не хотели участвовать в бессмысленных выборах «одного из одного», однако в нашем стихийном протесте мы всё еще были советскими с головы до ног, так как отправились не куда-нибудь, а на агитпункт и пели в этот день патриотиче-

ские песни. После этого играли в чехарду и не заметили, как прошел целый день. Когда мы вернулись вечером в Городок, нас ждали у входа в общежитие представители общест­венности, которые тут же отправили нас в полном составе голосовать.

Второй по численности и общественной активности факультет, физфак, не от­ставал от мехмата в клубных делах.

Вспоминает Анатолий Ройтман (физический факультет, 1964–1968 гг.): «Первый клуб-кафе в столовке универа на первом этаже, возникший, очевидно, как отпрыск клуба “Под интегралом”, просуществовал недолго. Один из вечеров хорошо помню: встречу с поэтом Виктором Соснорой дове­лось вести мне. На мой вопрос о наиболее интересных поэтах Ленинграда – “Брод­ский, Кушнер, Соснора, Горбовский”» [19, с. 453].

Политический (дискуссионный) межфакультетский клуб в НГУ был задуман весной 1966 года и заработал осенью этого же года. Идея создания такого клуба впервые была озвучена Марком Козленко на студенческой конференции. Его активно поддер­жал Михаил Шварцман. Последний при­гласил стать председателем клуба извест­ного математика, секретаря партийной ор­ганизации А.Д. Александрова. Сопредсе­дателями стали М. Шварцман и М. Козлен­ко. Сотрудничество с партийной органи­зацией и комсомолом не было нам навязано. Мы добровольно выстраивали содер­жательные отношения с университетскими общественными организациями, если в них работали наши союзники по мысли. Алек­сандров был известен студентам по дискус­сиям в общежитиях и университете как блестящий и образованный полемист.

В политклубе, по воспоминаниям участников, было четыре тематические сек­

ции, а кроме того, делали доклады с после­дующим обсуждением ведущие профессо­ра университета А.Г. Аганбегян, А.Д. Алек­сандров, И.С. Алексеев, Т.И. Заславская, В.И. Маслов и другие, а также приглашен­ные «светила»: известный психолог Влади­мир Леви, поэт Булат Окуджава и т. д.

«БФА (большая физическая аудитория, рассчитанная на 300 мест – П.Ж.) – встре­ча с академиком А.Д. Александровым, ауди­тория набита до отказа, крик с верхотуры распятого на окне студента: “Александр Да­нилович, так скажите, кому верить?” Алек­сандр Данилович, хитро поблескивая очка­ми: “Себе”» [19, с. 453].

Темы и докладчики на секциях выби­рались организаторами в соответствии с их собственными интересами и никак не были связаны с университетскими курса­ми. Одна из секций, «Проблемы фашизма», трактовала понятие «фашизм» до­вольно широко, включая проблемы тоталитарного государства и общества. В наших дискуссиях мы старались понять не столько конкретный немецкий или ита­льянский фашизм, сколько политическую природу и эмпирические проявления этой политической системы. Здесь активную роль играл Марк Козленко.

Другая секция имела дело с эгалитар­ным социализмом (ее руководителем был сотрудник ИЭОПП (Института экономики) и преподаватель университета В.И. Мас­лов). Студенты обсуждали отличительные характеристики эгалитарного социализма (Socialist Egalitarian Society) в Югославии, Франции и Израиле, а также полемические работы французского философа Арона Раймонда (1905–1983). Доклад на эту тему был сделан Дмитрием Черныхом.

В третьей секции обсуждали социометрические проблемы (в частности, пробле-

му группового выбора). Участники анализировали социальные аспекты работы Новосибирского экономиста Б.Г. Миркина и применение его результатов к процедурам голосования, принятию коллективных решений и коллективной экспертизе [18]. Здесь активную роль в выборе тем и подходов к обсуждению играл Мартин Черкес.

В четвертой секции прошло обсуждение неопубликованной, но революционной по своему содержанию работы И.П. Грошева по внутреннему хозрасчету на предприятии. Для нас было открытием узнать, что наряду с литературным самиздатом есть еще и научный самиздат (о спецхране в библиотеках мы знали, ни никто из студентов в нем не бывал).

Клуб организовал общеуниверситетскую дискуссию о демократии. В ней приняли участие практически все факультеты. Перед этим среди студентов было проведено социологическое обследование на тему «Нужен ли комсомол, а если да, то каким ему быть»? Анкету составил Дмитрий Черных с участием Люды Борисовой и меня. Кроме вопросов о собственно комсомоле там был ряд цитат из «Памятной записки Пальмиро Тольятти» в «Правде» от 10 сентября 1964 года и предлагалось высказать свое согласие или несогласие с ними.

Социолог-аспирантка Л.Г. Борисова, член КПСС, заместитель бюро комсомола НГУ, вдохнула в клуб и шире – в студенческое движение – дух новаторства и экспериментаторства, принесенный ею из ленинградского коммунарского педагогического движения. Л.Г. Борисова (до замужества Кузнецова) была одним из трех педагогов, наряду с И.П. Ивановым и Ф. Шапиро, создавших в 1959 году в Ленинграде известную «Фрунзенскую коммуну», где вся работа с детьми строилась на началах нрав-

ственности и творчества. А.Д. Александров и Л.Г. Борисова были давними друзьями и единомышленниками.

Сама постановка вопросов в нашей анкете и в дискуссиях о комсомоле и демократии была непривычно радикальной и оппозиционной. В стране эти вопросы еще не обсуждались. Для сравнения, универсальность комсомола в Венгрии была поставлена под вопрос только в начале 1980-х годов, и только в 1988-м руководители венгерского комсомола официально признали, что комсомол не обладает правом идейной монополии среди молодежи [22, с. 190].

Заседания клуба посещали студенты всех факультетов, однако активно в докладах и в дискуссиях участвовало ядро клуба, в общей сложности порядка двадцати человек. Численность аудитории варьировалась в зависимости от темы. Среди слушателей находились и те, кого в народе называли «стукачами», с их помощью было удобно идентифицировать наиболее активных и самостоятельно мыслящих участников, которых охранительные органы брали на заметку. О стукачах среди студентов упоминают в своих мемуарах несколько наших товарищей по университету.

Никто из нас не знал, где проходят границы разрешенной свободы высказываний и действий. Мы, как и большинство протестных движений того времени, двигались в основном в социалистической парадигме, наша инаковость и оппозиционность проявлялась лишь в выборе более «правильной» версии социализма и способов ее воплощения. Мы выражали в клубах несогласие с официальными догмами и раздвигали границы допустимой свободы путем проб и ошибок исходя из предупреждений и наказаний, следующих за ними. Представи-

тели партийных органов участвовали в наших клубных заседаниях, однако вели себя скованно и не могли на равных участвовать в дискуссии и тем более направлять ее ход. Так, в разговоре о демократии райкомовский работник посоветовал нам вместо умствований заняться уборкой снега (дело было зимой).

«Неуд» университетскому комитету комсомола и «крамольные» выступления на заседаниях клуба сошли тогда многим из нас с рук, однако последствия участия в политических акциях актив почувствовал на себе позднее, в момент окончания университета, при распределении на работу и поступлении в аспирантуру: никто из активистов (экономистов и гуманитариев) не был оставлен на научную работу.

Многие из нас к этому времени уже получили предупреждения в профилактических беседах. Позиция «людей в штатском» была такова: мы готовы разрешить вам политические дискуссии внутри клуба, иначе нам не вырастить ученых. Однако «кухонно-диссидентская» болтовня или «выпускание паров» были разрешены только в аудиториях университета и общежитиях под присмотром соглядатаев, ничего не должно было выноситься за их пределы.

Сравнивая нашу ситуацию с 1987–1988 годами, нельзя не заметить удивительного сходства во взаимодействии московских политических клубов с «охранительными органами». В Москве клубы тоже были разрешены сначала только внутри институтов и только в двух районах города с высокой концентрацией академических институтов: Брежневском, переименованном позднее в Черемухинский, и Севастопольском, и тоже под контролем местных райкомов партии. Интересно, что почти половина освобожденных работников иде-

ологического отдела Севастопольского райкома, включая его заведующего, была брошена на работу с политическими клубами.

Политклуб в НГУ просуществовал чуть более года. Для этого было несколько причин. Во-первых, два наиболее активных члена клуба, Черных и Дорошенко, были отчислены из университета, другие активисты также получили предупредительные сигналы. Во-вторых, к третьему курсу практически все студенты начинали выбирать себе узкую специализацию, а также институт и научное подразделение, в котором они хотели бы проходить преддипломную практику, и завязывать отношения с руководителями практики. Совмещение занятий в университете с занятиями наукой оставляло мало свободного времени. В-третьих, вся наша активность строилась на дружеских связях и доверии. Как только наш круг распался, клуб закончил свою работу. Впрочем, я не исключаю, что студенты следующих курсов продолжили бы нашу работу, однако в 1967–1968 годах резко изменилась социальная конъюнктура в стране и в Академгородке, многие из прежних свобод были ликвидированы.

Чтобы понять отличие нашего времени от того, что настало после «завинчивания гаек», приведу пример из воспоминаний профессора НГУ В.Г. Сербо: «В 1986 г. группа студентов, среди которых и мой сын Виктор, хочет устроить вечер памяти поэтов, погибших в сталинских застенках. За разрешением использовать аудиторию НГУ идут в партком к < > Миндолину (секретарь парткома – П.Ж.). Он внимательно их выслушивает, но требует, чтобы сценарий вечера был завизирован кем-либо с кафедры истории “во избежание искажений истории” (выделено мной – П.Ж.). Студентам весьма странно слышать все это от секретаря, кото-

рый сам является историком. Декан физфака Н.С. Диканский (окончил физфак НГУ в 1964 г., ученик Будкера – И.Ж.), узнавший про этот поход студентов к Миндолину и про его нелепое требование, сердито вопрошает студентов: “А зачем вы к нему ходили? Устраивайте вечер безо всяких разрешений! Если не удастся в университете, устройте его в общежитии физфака” [19, с. 111]. Вечер памяти репрессированных поэтов состоялся, но в 1964–1965 годах при секретаре парткома А.Д. Александровнике, включая самого Александра, не могло и в голову прийти, что надо визировать у него сценарий социально-политических мероприятий в университете.

Университетские газеты

Стенные газеты в университете были естественным продолжением и инструментом клубной жизни. В наше время в НГУ еще не существовало регулярного печатного органа (многотиражки). Имелась вполне официальная настенная газета комитета комсомола «Университетская Жизнь» (УЖ). Кроме того, каждый факультет имел свою газету, а в некоторые периоды даже две-три, одновременно или сменяя друг друга. Так, на мехмате я помню две параллельно выпускаемые газеты – «Кентавр» и «МЕХ-МАТ», одну на физфаке («Прометей») и одну на экономическом факультете («Раскрутаза»).

Наряду с ними было несколько «неофициальных» газет, не представляющих какие-либо организации, как, например, наш «Треугольник». Стенных газет было много и разных. Их всех объединяло то, что они были *неподцензурными*. Студенческие газеты в полной мере отражали либеральный дух университета и фактически делали излишними подпольные фор-

мы информации – листовки, прокламации и отчасти самиздат.

Вот, например, лаконичная сентенция из протокола партбюро НГУ от 31 марта 1964 года: «...3) Слушали: о беспартийном содержании некоторых статей газеты “Раскрутаза” (ФЕН). Постановили: газету снять и обсудить ее содержание на комитете ВАКСМ совместно с членами редколлекции» [23].

Выдержка из выступления аспирантки, секретаря парткома физического факультета Морозовой на общем партийном собрании университета: «Отстаивала стенную газету “Прометей”, где была помещена хвалебная статья, посвященная Галичу, [говорила], что партком допустил ошибку, настояв на снятии газеты, – по ее мнению, лучше было дать в следующем номере другую статью, раскритиковывающую суть песен Галича. Прочитала небольшое стихотворение, смысл которого состоит в том, что в Академгородке “вырубаются березы, появляются дубы”» [16, с. 69].

Вспоминает Анатолий Ройтман (физический факультет): «На многометровых стенных выпусках “Университетской жизни” впервые – стихи Мандельштама, Ахматовой, Цветаевой, позже стихи Бродского, репортаж Фриды Вигдоровой о суде над ним. Самиздатское самообразование. ...Удивительно, что никаких санкций от парторганизации НГУ не последовало» [19, с. 452].

Вспоминает С.А. Болдырев (физический факультет): «...Хорошо помню шум, который возник по поводу одной статьи, помещенной в газете “Университетская жизнь”. По поводу этой статьи приезжали даже представители новосибирского обкома партии. А статья была по тогдашним временам необычной. Называлась она “Кибеборг”, где автор, логически развивая идею о всевозра-

стающем уровне научно-технического могущества развитых цивилизаций Вселенной, подводил к мысли, что более древние цивилизации, объединившись, уже в наше время должны проявлять себя как сверхмогущественная структура, которая нами воспринимается как Бог. Идея такого трансцендентного Бога, как я узнал позже, не нова. Она высказывалась еще в XIX веке, но в тогдашнем нашем идеологизированном и помешанном на примитивном материализме государстве вызвала шок. Чем тогда всё обернулось для редколлегии “Университетской жизни”, я не знаю, но газета успела провисеть в фойе довольно долго [19, с. 653].

Интересно, что факультетские газеты соревновались между собой и даже помещали рецензии и карикатуры друг на друга. Редактор газеты мехмата («Мех-Мат» – ИЛЖ) Миша Рорер вспоминает такой случай: «Второй выпуск (газеты – ИЛЖ) объявил войну деканату, тоже без “политики”, но уже был какой-то протест. Третий был пародией на газету физфака и содержал, например, почти-антисоветскую статью о целине: “...знаете ли вы, что такое целина? Нет, вы не знаете... Это – могилы студентов... И т. д. о жертвах безрассудной политики, о разрушенной почве, суховеях и т. д.”. Написал ее я сам (возможно, с участием Сашки Хуторецкого). Был короткий скандал, сейчас мне кажется удивительным, насколько легко мы отделались. Возможно, потому что 64-й был относительно либеральным? Всё же власти выпад заметили. Через пару месяцев я гостил на выходных в Новосибирске у Гриши Дымшица с биофака (его мама меня подкармливала, отпаривала штаны и вообще заботилась), и его отец рассказал загадочную историю. Он был на заседании промышленного обкома

(КПСС – ИЛЖ) Новосибирской области, и там второй секретарь жаловался на неправильные взгляды студентов. Упомянул фамилию вашего покорного. И целину» (из письма автору).

Газета «Треугольник», издаваемая ОПК, занимала особое место среди других газет. Она с первого до последнего номера была посвящена политическому образованию и – о, ужас! – агитации. Газета вывешивалась в фойе университета. Самая первая редакция состояла из студентов гумфака: Виктора Дорошенко, Миши Яроцкого, Эры Севостьяновой. От номера к номеру ее состав менялся. В какой-то момент в нее вошла и я. К одному из выпусков я написала передовую статью о ноябрьской демонстрации 1965 года «Надо ли ходить на демонстрацию?». Я не отговаривала студентов идти на демонстрацию в канун Октябрьской революции, я только спрашивала, что именно мы хотим продемонстрировать, участвуя в ней? Подобный вопрос уже по своей постановке был признан крамольным. Газета провисела только два дня и была снята парткомом университета.

Немедленно после этого меня пригласили в помещение университетского комитета ВЛКСМ на профилактическую беседу с сотрудником КГБ в штатском. Суть беседы, как я ее запомнила, состояла в следующем: «Мы понимаем, что вы не отдадите полного отчета в последствиях своих поступков и делаете многое с хорошими намерениями... Мы не хотим портить вам жизнь, однако остановитесь, а не то...». Далее всё понималось по умолчанию. Память о репрессиях в стране и в моей семье была еще очень свежа. Мой отец сидел по «ленинградскому делу», был переведен в «шарашку» и освобожден только в конце блокады из-за полного истощения.

Нашему поколению крупно повезло – мы жили в эпоху относительно мягких репрессий. Как уже упоминалось выше, одного из редакторов «Треугольника» и члена политклуба, моего друга со школьной скамьи Дмитрия Черныха, отправили на год в академический отпуск. Нашего главного редактора и «зачинщика смуты» Виктора Дорошенко – на два года. Мой «список прегрешений» был намного короче. В результате я отделалась только устным предупреждением.

Мой разговор с сотрудником КГБ очень напомнил мне диалог с арестованными студентами, членами студенческой группы Краснопевцева в 1957 году, которых осудили на срок от 6 до 10 лет. Следователь по их делу напирал на гуманность наказания: «Вам просто повезло. Случись это годика три назад, вас бы просто расстреляли, а человек 300 точно село бы по вашему делу лет на 10 минимум» [8].

В конце беседы человек в штатском предложил мне показывать каждый номер газеты членам партбюро перед тем, как вывешивать ее на общее обозрение. На этом мое желание выпускать газету закончилось, однако мой интерес к социальной проблематике в результате этого опыта только увеличился, что закончилось переходом с мехмата на экономический факультет.

Зная о моем прошлом опыте работы в стенгазете, секретарь парткома экономического факультета Марина Можина, жена первого секретаря Советского райкома КПСС В.П. Можина, предложила мне стать редактором факультетской газеты. Я отказалась, объяснив, что мне неинтересно делать газету в условиях предварительной цензуры. Эти слова мне потом аукнулись при распределении, когда декан экономфака А.Г. Аганбегян пригласил

меня на личную беседу и сообщил, что хотя я и проходила практику в социологическом секторе ИЭОПП и писала дипломную работу по социологии труда, с моими убеждениями я не могу работать в такой идеологической профессии, как социология. Он и не знал, что меня этот запрет на профессию уже не задел, так как мне полагалось свободное распределение по семейным обстоятельствам, а в Москве тем временем открылся Институт социальных исследований, сначала с приставкой «конкретных», а потом уже без нее, куда меня приняли на работу.

Газету «Треугольник» закрыли не сразу, напротив, по одному из ранних номеров было принято решение газету не снимать вплоть до специального заседания комитета комсомола (эх, найти бы тот протокол!). Согласно воспоминаниям Дорошенко, вышло пять или больше номеров, после чего газету всё же закрыли.

Политические акции студенческого движения

Выше мы уже писали, что в выборных органах студенческих коллективов всех уровней, от группы до университета в целом, произошло совмещение (сближение) формальных и неформальных лидеров и сложился своего рода *корпоративный дух и кодекс, который студенты были готовы отстаивать*. Историй, в которых проявлялся этот кодекс, было довольно много. Для этой статьи мы ограничимся тремя с политической составляющей: *неизбрание исполняющего обязанности ректора депутатом местного совета, суд над антисемитами и защита преподавателей «подписантов» письма*, известного как «письмо сорока шести». Все эти истории уже подробно описаны в нескольких мемуарах и книгах; нас они будут интересовать здесь

только в свете студенческого движения в НГУ.

История с неизбранием и.о. ректора Р.И. Солоухина в депутаты местного совета продемонстрировала несколько важных аспектов развития студенческого сообщества в НГУ. Во-первых, в этой акции наиболее ярко проявилось понимание студентами их *права на академические свободы*, во-вторых, она была демонстрацией *студенческой самоорганизации и солидарности*. Эта история упоминается в мемуарах нескольких студентов-физиков. В них есть разночтения в деталях, однако они сходятся в главном.

Доктор физико-математических наук Рем Иванович Солоухин стал исполняющим обязанности ректора НГУ в 1964 году. До этого он был деканом физического факультета (с 1961 г.), а позже проректором по учебной и научной работе и фактически управлял всеми административными делами НГУ. В общем, он не был новичком в университете. Все ожидали, что после ухода Векуа он станет ректором, однако этого в конечном счете не случилось.

Став и.о. ректора, Солоухин в начале второго семестра решил поднять в университете дисциплину, в частности, с посещением лекций. После 9-ти утра он начал обход общежитий, где застал много спящих студентов. Все они безропотно подчинились приказу и отправились на лекции. Всё шло по плану до тех пор, пока Солоухин и его сопровождающие не наткнулись на студента, назовем его Владимир П., который, не вникая в чины и звания, ответил, мягко говоря, невежливо. На следующий день появился приказ Солоухина об его отчислении.

Наверное, судьба Владимира П. не шла бы такого горячего отклика среди его товарищей, если бы он не был одним из

наиболее талантливых студентов на своем потоке, местным гением, «корифаном», который сам решал, на какие лекции ему ходить, а на какие – нет. Кроме того, он был ноктюрным человеком и предпочитал заниматься ночами. Такая свобода выбора по факту существовала в университете, если студент в течение курса лекций и на экзамене демонстрировал, что он успешно справляется с учебным процессом. Напомню, что подобное неписанное правило существовало и в московском Физтехе.

Уже на следующий день в холле общежития физфака возник спонтанный митинг студентов в защиту их товарища. Произносились довольно горячие речи. В конце концов решили написать письмо в ЦК КПСС, где просили Солоухина снять, а Владимира П., наоборот, оставить. На следующий день вчерашних ораторов вызвали в партком факультета, где их попросили ответить, ушло это письмо или нет. Студенты держались стойко, и тогда в ход было пущено самое страшное оружие – активистов вызвал на ковер их кумир, профессор НГУ и директор Института ядерной физики (ИЯФ) Г.И. Будкер. Вот как об этом пишет участник этой акции Борис Штивельман: «Центральное утверждение, которое Будкер развивал перед нами, растоптанными и обескураженными в течение нескольких часов, было – главный отрицательный герой советской истории это Павлик Морозов, предавший своего отца. Нам, видимо, не дает покоя его слава – мы хотим предать своих учителей, свой Университет, свой Академгородок. ...если мы осознаем свою ошибку, сделаем все, чтобы ее исправить, ни одного из нас не накажут, не выгонят из комсомола, из Универса, и не лишат практики в ИЯФе и других институтах. Поражение было полным... Мы признались,

что письмо еще не отправлено, и поклялись его уничтожить» [24].

Будкер свое обещание сдержал, и никто из студентов не пострадал. Казалось бы, что в этом конфликте студенты прибегли к традиционному советскому методу апелляции наверх, а затем, струсив, отказались. Однако история на этом не закончилась. В марте этого же года началась кампания по выборам в местные советы народных депутатов и Солоухин, согласно его новому положению, автоматически должен был избираться в райсовет, причем именно от общежития физфака. Тут же составился оркомитет, призвавший студентов голосовать против Солоухина и выдвинувший вместо него другую кандидатуру.

Вот как продолжение этой истории излагает в своих воспоминаниях А.Г. Морозов (физический факультет, 1964–1968 гг.). У него речь идет уже о митинге, посвященном бойкоту выборов. В его версии Солоухин объявил об отчислении не одного студента, как у Штивельмана, а целой группы студентов, которые вернулись на занятия после каникул с недельным опозданием (причина не называется, но похоже, что у всех она общая). Возможно, что оба исключения имели место, и был не один, а два разных протестных митинга. Конец истории Морозова во многих деталях совпадает с концом истории Штивельмана. Цитата немного длинная, однако содержит очень важные нюансы для данной статьи.

«Довольно быстро сформировалась инициативная группа в 7-8 человек...< > Разработали план контрагитации и начали его осуществлять. Назначили митинг в одной из двух самых больших аудиторий университета. Как ни странно, нам дали его провести. Призвали народ к бойкоту вы-

боров. Нашу группу вызвали на партбюро НГУ, в котором мы не увидели ни одного представителя физфака. Потребовали от нас прекратить “безобразие”. Впервые в жизни я видел столько явно испуганных взрослых мужиков. Но наша позиция осталась неизменной. Расстались. На следующий день нас пригласил Г.И. Будкер. < > Разговор длился не меньше трех часов. < > И тут Будкер нашел аргумент. Он сказал следующее: “Ребята, вы учитесь в уникальном университете по специальным учебным планам и программам. Такого нигде больше в стране нет. Представим, что вы добились своего. Это дойдет до Москвы. Пришлют комиссию. Сделают выводы. Министерство сменит ректора и из нашего университета сделают стандартный провинциальный университет. Вы готовы взять на себя ответственность за такой результат ваших действий?”

Это был удар ниже пояса. Мы к нему не были готовы. < > ... долго совещались. Пришли к выводу, что надо давать отбой. И не в кулуарах, а на общем собрании. < > Опять назначили митинг в большой аудитории. До даты выборов оставалось меньше недели. Собралось около 500 человек. Мне пришлось рассказывать о встрече нашей инициативной группы с Будкером и его прогнозе и сказать о наших предложениях – выборы не бойкотировать, но голосовать по совести. Народ, конечно, понял. Но разочарование было всеобщим.

Результаты всей этой истории были следующие:

- явку на выборы участковая комиссия сделала такой, как нужно, но насчитать больше 60 % за нашего проректора не смогла;
- проректора нам через полтора-два месяца заменили;

– всех отчисленных им студентов восстановили;

– никаких репрессий против членов инициативной группы не было;

– статус НГУ как уникального университета по факту никак не пострадал;

– более того, менее чем через год после описываемых событий ректором НГУ стал ученик Будкера, молодой академик С.Т. Беляев...» [19, с. 375–376].

Было бы преувеличением сказать, что именно студенческий протест стал решающим моментом, однако он внес существенную долю в окончательное решение о назначении нового ректора. История Солоухина продемонстрировала, что студенты считали важными определенные права и академические свободы и были готовы коллективно и организованно их защищать.

Вторым примером проявления студенческой самоорганизации стал так называемый «суд над антисемитами». Эта история памятна многим студентам НГУ. Во-первых, в этом общественном протесте объединились студенты всех факультетов, и, во-вторых, причиной его было не только и не столько недостойное поведение нескольких студентов, сколько неписанная, но проникающая во все поры системы образования государственная политика дискриминации по этническому признаку при поступлении в высшие учебные заведения.

Напомню, что антисемитизм в наше время был одним из краеугольных камней негласной кадровой политики государства, особенно в сфере образования.

Студенты, поступившие в НГУ из разных концов Сибири, были мало осведомлены об этой практике, но рядом с ними учились студенты, аспиранты и даже преподаватели, приехавшие из западной и европейской частей страны и ее столиц, ко-

торые испытали дискриминацию на своем личном опыте.

Слово преподавателю физики в НГУ и ФМШ, доктору физико-математических наук И.Ф. Гинзбургу: «В те годы (1950-е – И.Ж.) была развернута ожесточенная “борьба с космополитизмом”, и доступ евреев в МГУ был резко ограничен. Особенно это относилось к тем, кто проявил себя уже в школьные годы, хорошо выступая на олимпиадах. Их специально встречали на приемных экзаменах или собеседованиях по своему предмету и “валили”».

На московской городской олимпиаде по математике в 1951 г. участники нашего математического кружка взяли единственную первую премию и все вторые премии среди десятиклассников (кроме одной), а на все третьи премии нас просто было мало. Двое из нас < > к окончанию школы имели уже готовые к печати публикации. *На мехмат МГУ не был принят ни один* (выделено мной – И.Ж.). То же творилось и на физфаке. К моему счастью, я имел очень скромные успехи на физической олимпиаде, а моя вторая премия на математической не вызывала здесь такого противодействия. Разумеется, я не понимал всего этого, когда подал свои документы. На собеседовании (я был медалист) меня фактически “завалили” некорректно поставленным вопросом, и я получил оценку “можно принять”, эквивалентную “четверке” (я видел свое “дело” при окончании). Этого было достаточно для отказа. < > Я до сих пор не могу понять, почему меня приняли. Единственная гипотеза – тогда была “процентная норма”, и лучше было заполнить ее кем-нибудь не очень сильным (а мой ответ на собеседовании позволял так думать обо мне)» [6].

Это было в пятидесятые. В шестидесятые технология отсеивания и «завалива-

ния» абитуриентов из числа евреев была уже разработана до деталей. «В начале 60-х годов евреев перестали принимать на физические факультеты ведущих университетов, и это несмотря на то, что добрая половина академиков – участников атомного проекта носила еврейские фамилии.... Первый придуманный трюк состоял в том, что пятая задача из предлагавшихся на письменном экзамене была очень трудная, фактически “не берущаяся” за время экзамена» [7].

Еще одно свидетельство можно найти в книге Маши Гессен о всемирно известном математике Григории Перельмане: «Московская (математическая – *И.Ж.*) школа № 2 стала мишенью доносов, сочиненных обеспокоенными родителями и разгневанными учителями советской закалки, были уволены директор и его заместители, после чего в знак протеста ушли несколько преподавателей. Ленинградская школа № 239 лишилась некоторых своих популярных учителей из-за давления КГБ, а директору часто ставили на вид, что он принимает “слишком много” детей из еврейских семей». «Ленинградская школа № 239, большинство выпускников которой считали – и не без оснований, – что могли бы спокойно проспать весь первый курс любого университета и тем не менее блестяще сдать экзамены, очень редко попадали в ЛГУ» [5].

Хоть и с задержкой во времени, политика антисемитизма докатилась и до НГУ, который со времени его основания был своего рода «заповедной зоной» научного идеализма. Все абитуриенты принимались исключительно по их академическим способностям. К нам также переводилось много талантливых ребят из других мест, в основном с Украины и Молдавии, где антисемитизм в высших учебных заведениях

цвел пышным цветом. Историк М.В. Шилловский в статье о «студенческом вольнодумии» счел нужным привести данные об этническом составе студентов за 1967 год, я цитирую их только для того, чтобы была ясна завязка драмы, которая развернется дальше в этой главе. Так вот, из 741 человека 71, т. е. почти 10 %, были евреи [23]. Это было гораздо выше негласно установленной нормы в 3 %.

Практика антисемитизма просачивалась в НГУ не сверху, из администрации, а в «боковые швы», через студентов, преподавателей и даже партийных работников. Луиза Стефановна Бочарова, член партбюро экономического факультета, бывшая фронтовичка, в разговоре со мной наедине доверительно рассуждала о том, что процент евреев в нашем университете непропорционально высок. Однако повторю, что подобного рода настроения на тот момент никак не влияли на практику зачисления в университет.

Для студентов, уверенных, что их поступление и профессиональный рост основаны на их академических способностях и усердии, было шоком узнать, что в университете есть люди, которые открыто проявляют антисемитские настроения. Мгновенно возникла инициатива провести публичное слушание, которое было названо судом. Очевидно, что мы выбрали неудачное название для этой акции, которое слишком напоминало сталинские «суды чести». В выборе форм своего осуждения мы все еще были в плену советской политической культуры, однако сущность или наполнение выбранной формы было в нашем случае уже абсолютно другим. Фактически студенты выразили свое отношение не к единичному случаю, а к политике этнической дискриминации в той области, которую

они знали лучше всего – в системе образования.

Общественный суд над студентами, устроившими антисемитскую выходку, был беспрецедентным и по-настоящему добровольным протестным актом студенчества НГУ. Хотя за профессорской кафедрой в роли судей и присяжных сидели члены университетского и факультетских бюро ВЛКСМ, подлинными организаторами мероприятия были студенческие активисты. В инициативную группу входили уже упомянутые выше Толя Лубков, Володя Бородин и другие.

На фотографии из музея истории НГУ, сделанной студенткой мехмата (1963–1967 гг.) Женей Свердлик, среди сидящих за столом можно найти многих героев нашей статьи: Игоря Алексева, Люду Борису, Виктора Дорошенко, в аудитории – Сашу Хуторецкого, автора этой книги, и многих других.

По поводу этого суда в университете сложилось много апокрифов. В опубликованных мемуарах встречаются небольшие расхождения в датах, оценках, месте и других деталях события, но все они сходятся в главном – эта история вызвала большой резонанс среди студентов.

Вспоминает Ефим Розенкранц (экономический факультет, 1965–1969 гг.):

«Большое удивление обычно у моих знакомых вызывает рассказ о “суде над антисемитами”... Группа подвыпивших первокурсников мехмата вечером у своего общежития останавливала студентов и вопрошала: “Ты еврей?” Евреям били морду. Этим молокососов опознали и устроили над ними показательный процесс... Зал, рассчитанный на 300 мест, был забит целиком, стояли в проходах и сидели на подоконниках. Присутствовало все районное

партийное начальство. Выступали студенты и преподаватели. Мне запомнились два момента. Судент мехмата Саша Хуторецкий зачитал обращение своего сокурсника Миши Рорера по просьбе последнего (оба поступили в университет из западных районов страны – *ИЛЖ*). Другим моментом было выступление известного математика и философа, профессора университета Абрама Ильича Фета (1924–2007), потомка великого поэта, который спросил первого секретаря Советского райкома партии (Академгородок был Советским районом г. Новосибирска – *ИЛЖ*) Вадима Потаповича Можина: “Как у высокопоставленного партийного работника мог оказаться сын антисемит?” Дело в том, что зачинщиком в деле оказался сын второго секретаря Иркутского обкома партии. На это Можин ответил: “А Вы сначала своих займите, а потом будете спрашивать”. Известно было, что у Фета не было детей...” (из письма автору).

Вспоминает Борис Штивельман (физический факультет): «Вечерами в общагу залетал преподаватель философии Игорь Алексеев с тонкой ученической тетрадкой и вел со всеми дискуссии обо всем! Не было запрещенных тем! Осторожные еврейские ребята задавали мудреные вопросы, прямолинейные парни из глубинки резали правду-матку, но все мы не сводили с Игоря влюбленных глаз, гордясь тем, что мы видим и что слышим...

...Были, однако, темы, которые не обсуждались – вроде как неприлично. Например, еврейский вопрос. Наши родители только его и обсуждали, а мы нет... Так что однажды утром, когда... я обнаружил в фойе... здоровенный плакат “СУД НАД АНТИСЕМИТАМИ”, я почувствовал, что земля качнулась. Несмотря на всю смелость

и свободу, новость эту не хотелось обсуждать ни с кем. Было чувство, что приоткрылась внезапно какая-то срамная часть тела и что лучше бы ее поскорее прикрыть. Всё же вечером огромная аудитория была полна... Были лозунги “Позор антисемитам!”, были красивые речи академика Александрова и других, были и обвиняемые – обычные парни, явно не понимавшие, чего к ним приколпачились» [24].

Вспоминает А. Ройтман (физический факультет): «1966 г. в день открытия очередного съезда ЦК КПСС антисемитская листовка в общаге № 3, быстрая реакция комитета комсомола и парткома, при активном участии академика А.Д. Александрова, и невероятное, но и очевидное: в БХА – “Суд над антисемитами”» [19, с. 453]. В этой версии речь идет уже о листовках, а не о засаде, и появилась точная дата суда: 29 марта 1966 года.

История суда нашла также отражение в воспоминаниях тогдашнего секретаря партийной организации НГУ А.Д. Александрова: «Был еще один из ряда вон выходящий случай в 1966 г., когда три студента устроили заставу в общежитии и требовали у входящих ответа “Евреи или нет?”. При этом евреев били по шее. Об этом происшествии в общежитии сообщили в партком, и мы решили в парткоме выгнать этих антисемитов из Университета на общем собрании студентов. Когда приехали представители горкома, где были, по-видимому, поражены нашей реакцией на антисемитизм, я сказал: “Этому надо дать политическую оценку, здесь не Алабама”. Секретарь горкома это съел. На собрании постановили исключить этих трех студентов из Университета. Когда я отчитывался на партийном собрании, то сказал, что в горкоме с этим согласились» [1, с. 285].

А.Д. Александров был известен своим чувством юмора. Не подвело его оно и на этот раз. Будучи перед этим в течение многих лет ректором ЛГУ, он не понаслышке знал о негласной дискриминационной политике в высших учебных заведениях. Упомянув об Алабама, он фактически провел параллель между дискриминацией негров в США и евреев в России.

Как отмечено выше, далеко не все студенты, особенно из Сибири, были осведомлены о масштабе антисемитизма в стране. Некоторых также смущал «непропорциональный» ответ на недостойное поведение. Суровость наказания, впрочем, была компенсирована последующим восстановлением в университете этих исключенных студентов.

*Роль студенческого движения
в деле «подписантов»*

В феврале 1968 года в Академгородке состоялись две крупные протестные акции: одна была связана с подписями, другая – с надписями.

Группа научных сотрудников СО АН и преподавателей НГУ подписали письмо с протестом против закрытого суда над Ю. Галансковым, А. Гинзбургом, А. Добровольским и В. Лашковой, получившего известность как «процесс четырех». Сама протестная акция по числу «подписантов» (неологизм советской эпохи) получила название «Письмо 46-ти». Эта акция имела широкий резонанс не только в СССР, но и за рубежом. Нас она будет интересовать здесь только в той мере, в какой она связана со студенческим движением в НГУ. Дальше мы будем пользоваться информацией из монографии новосибирского историка И.С. Кузнецова [16].

Письмо было адресовано Верховному суду РСФСР и Генеральному прокурору

СССР, его копии были посланы в три высшие инстанции советской власти и в редакцию газеты «Комсомольская правда». До сих пор неизвестно, как текст с подписями и сведениями о «подписантах», посланный в Верховный суд, оказался в распоряжении радиостанции «Голос Америки». Бюро Советского РК КПСС на своем заседании 16 апреля 1968 года осудило действия «подписантов» как «безответственность и политическую незрелость», как попытку «дискредитировать советские юридические органы», а всю акцию как «политически вредную, использованную враждебными нашей стране организациями для идеологической диверсии» [16, с. 15].

Научная, особенно академическая, интеллигенция в то время была почти единственной политически активной группой населения страны, однако научное сообщество Академгородка выделялось даже на ее фоне. Этот демарш явился крупнейшей общественно-политической акцией такого рода в масштабе страны.

Информация о сборе подписей немедленно достигла ушей местного КГБ, а затем и партийных организаций. Организаторы сбора подписей, в частности физик Владимир Захаров, были неофициально предупреждены о возможных преследованиях. Согласно его воспоминаниям, первоначальную версию письма подписало около 250 человек [Там же, с. 374]. Тогда они уничтожили все первоначальные подписные листы, кроме одного, и сбор подписей начался снова среди тех, кто выразил готовность не отзываться своей подписью, несмотря на возможные будущие репрессии. Таких оказалось сорок шесть человек. Среди них были доктора и кандидаты наук, инженеры и аспиранты. Чуть меньше половины «подписантов», а именно девятнадцать

человек, были штатными преподавателями либо совместителями в НГУ и физматшколе (ФМШ) при научном центре, т. е. вели лекции и семинары в университете и школе для одаренных детей, руководили студенческой практикой [Там же, с. 93]. Из них половина преподавала на гуманитарном факультете, еще двое преподавали философию на различных факультетах. Один из преподавателей философии, И.С. Алексеев, был даже заместителем университетского комитета комсомола по идеологии и комиссаром студенческого отряда НГУ на целине летом 1964-го.

Хотя в списке «подписантов» не было ни одного студента (им это письмо и не предлагалось подписать), впоследствии студенты также оказались вовлечены в эту акцию. Здесь надо напомнить, что наиболее уважаемые студентами преподаватели организовывали дискуссии, факультативные занятия и неформальные семинары, приходили в общежития обсуждать практически любые научные и общественные вопросы. Это делалось не по обязанности, а по личному волеизъявлению с обеих сторон.

Участие преподавателей в клубной студенческой жизни, как, впрочем, и сама клубная жизнь, закончилось в одночасье, как только на «подписантов» обрушилась критика партийных организаций и усилился контроль за их профессиональной и неформальной деятельностью в университете. Семь преподавателей были и вовсе отстранены от преподавания в университете. Членов партии обсуждали (и осуждали) на партийных собраниях, часть из них были исключены из партии. Одним из них был Игорь Алексеев. Он не каялся, хотя признал свое участие политической ошибкой, а просто положил свой партийный билет на стол в райкоме партии и ушел.

В этот критический момент наиболее активные студенты заняли коллективную позицию и выступили в защиту преследуемых преподавателей. Имеется несколько свидетельств на этот счет, и все они указывают на высокую вовлеченность студентов в историю «подписантов». В частности, их коллективный протест помог спасти Игоря Алексева от исключения из партии, что автоматически означало тогда отлучение от профессии философа и немедленное увольнение из университета. Алексеев пробыл вне партии всего шесть часов.

«...В райком позвонил тогдашний ректор НГУ С.Т. Беяев... и сказал, что не может поручиться за студентов Университета... Игоря опять вызвали на Бюро райкома... В партии его всё же восстановили, но начали незаметно, хотя и систематически теснить по всем направлениям...» [4, с. 426].

Чуть иная версия событий дается в воспоминаниях одного из «подписантов», генетика Раисы Берг: «Штатного философа университета Алексева после проработки ... постановили, было, уволить. Ректор университета торопился уйти раньше конца заседания, попросил учесть его поддержку самых суровых кар, приоткрыл дверь, снова закрыл ее. Вернулся и склонил членов Совета не принимать против Алексева никаких карательных мер и спустить это дело на тормозах. За дверью стояли студенты, готовые грудью защищать любимого учителя» [2, с. 345].

«Письмо 46-ти» как акт гражданской озабоченности было вполне лояльным и законным коллективным действием, хотя и беспрецедентным в жизни советского общества в 1960-х годах; в то время многие продолжали считать, что сомневаться в непогрешимости властей преступно. В отличие от вполне легального протеста взрос-

лых, протест небольшой группы студентов против «процесса четырех» был выполнен в традициях подпольных организаций.

Вспоминает студент гуманитарного факультета (1967–1971 гг.), впоследствии профессиональный историк и преподаватель НГУ С.А. Красильников: «Выйдя в одну из ночей на улицы городка с ведром краски, они (студенты – И. Ж.) “расписали” лозунгами трансформаторную будку возле главного корпуса университета, а также стены самого университета и Торгового центра. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы... студентов взбудоражило происшедшее. Я был участником стихийного студенческого собрания вечером следующего... дня. В холле одного из общежитий собралось до 100 человек. Мы потребовали, чтобы перед нами выступил ректор университета Спартак Тимофеевич Беяев с изложением своей оценки происшедшего. Ближе к полуночи пришел заметно волновавшийся ректор... Пользуясь в студенческой среде колоссальным авторитетом, он рисковал потерять достигнутое. Было очевидно, что собралась радикально настроенная часть студенчества, но одновременно наиболее активная и деятельная, формировавшая позиции и настроения в студенческой среде. Ему надо было удержать студентов от резких действий, что он и попытался сделать. Перед ним сформулировали два вопроса: 1) как он сам относится к реанимации сталинских методов в политике (отношение к процессам), 2) будет ли он как ректор защищать и отстаивать студентов, писавших лозунги, или он их “отдаст”. Беяев произнес длинную и достаточно толковую речь < >: возврат к практике публичных процессов он считает неправильным, но также неправильным он считает реакцию студентов на это столь варварским способом, как надпи-

си на стенах. Далее ректор перечислил ряд достижений студенческой демократии внутри университета и заявил, что мы можем в одночасье всего или многого лишиться. Далее он обещал, что никаких карательных мер с ходу принимать не будет, а, по возможности, постарается избежать исключения студентов из университета.. Словом, ректор попытался выпустить пар из перегретого котла, и в известной мере это ему удалось. Потом я узнал, что он действительно оказался равнодушен к судьбе некоторых из крамольных студентов и пытался их защитить доступными ему приемами, в том числе и игнорируя прямые указания различных инстанций. Впрочем, делал он это точно, в отношении негуманитаров, и филологам пришлось расстаться с университетом» [15, с. 20].

Интересно также свидетельство заместителя секретаря парткома СО АН СССР, профессора И.А. Моветова, бесспорно одного из наиболее осведомленных об этой истории людей: «...со стороны студентов прошла волна протестов. У ВЦ (вычислительный центр – И.Ж.), где в то время располагался гумфак, распространяли листовки, появились надписи, предостерегающие о возврате к 1937 году» [17].

Хотя надписи на стенах и листовки были делом одиночек и не были одобрены активом студенческого движения, характерна коллективная реакция студентов на эту акцию. Организовав прямой диалог с ректором университета, они попытались отстоять товарищей, и частично им это удалось.

Что это было? Было ли движение?

Прошло уже более пятидесяти лет с описываемых событий, а многие документы, относящиеся к студенческому движе-

нию НГУ, до сих пор «законвертированы». Мое поколение может не дожидаться их рассекречивания. Между тем более глубокое понимание того, что тогда произошло, может пригодиться последующим поколениям. В первой статье мы упомянули несколько публикаций сибирских историков о студенческом движении НГУ в 1963–1968 годах. В каждой из них была сделана попытка понять, что оно из себя представляло.

В.Л. Дорошенко назвал его студенческим движением [9]. М.В. Шиловский считает, что имело место обычное «студенческое вольнодумие» [23]. А.Г. Борзенков в своем обширном исследовании студенческой политической активности Сибири называет их «самодеятельными начинаниями», «нонконформистскими исканиями», «неформальными политизированными начинаниями», «идеологизированными дискуссиями и аналитическими изысканиями». Он трактует это явление в целом как форму конфликта «отцов» и «детей», ссылаясь на работу В.И. Ленина «Интернационал молодежи» [3, с. 11]. С названными выше квалификациями можно отчасти согласиться, но все они вместе взятые не вычерпывают содержания феномена, которому мы посвятили эту статью. Шиловский и Борзенков даже не попытались анализировать студенческую активность как общественно-политическое движение, имеющее определенную направленность.

Здесь настало время объяснить, что мы понимаем под движением. Имея в виду, что любое определение несовершенно и не может полностью описать сложное социальное явление, что существуют несколько разных трактовок этого явления, всё же приведем обобщенное определение, данное американскими социологами, которое перечисляет основные элементы этого по-

нения. Социальное движение предполагает наличие: 1) коллектива или совместного действия; 2) целей, направленных на изменение статус кво; 3) некоторую степень организации; 4) некоторую продолжительность; 5) некоторую внешнюю активность коллектива [24, с. xviii].

Борзенков цитирует другое, более развернутое определение, которое мы приводим с небольшой редакцией: *общественно-политическое движение* – это коллективная деятельность инициативной части общества на основе общности интересов по реализации определенных политических целей. Такое движение состоит из совокупности индивидуальных и коллективных субъектов. Движение имеет следующие характерные черты: тяготеет к автономии и базируется на механизме самоуправления; обладает в том или ином виде координирующими центрами; располагает различными каналами обмена опытом и информацией; у движения, как правило, отсутствуют программы и уставные документы [3, ч. 1, с. 12].

Оба определения полностью приложимы к описанной нами студенческой активности в НГУ в 1964–1967 годах. Что же помешало Борзенкову рассмотреть эту активность как общественно-политическое движение, более того, как протестное движение? Тут надо напомнить, что в 1960-е годы общественным движением принято было называть только инициативы, одобренные, поддержанные и направляемые сверху. Остальные спонтанные движения, так называемые *grass-root* (англ., «растущие из земли» – И.Ж.), практически не признавались и не изучались. Исключение делалось только для групп и движений девиантного или криминального поведения. В официальной идеологии того периода монопо-

лия на осуществление социальных изменений или обновление общественной системы принадлежала исключительно партии и государству. Все остальные социальные движения, которые не удавалось взять под контроль и поставить на службу государству, объявлялись маргинальными или преступными и искоренялись. Говоря о студенческом протестном движении, Борзенков и Шиловский неизбежно должны были говорить и о тех, кто его остановил, и о методах борьбы с этим движением. Будучи сотрудниками бывшей кафедры истории КПСС, а ныне кафедры истории России, они были частью той системы, которая принимала участие в подавлении студенческого движения; может быть, поэтому они не смогли нарушить неписанные табу.

Борзенков назвал студенческие движения за Уралом, включая НГУ, всего лишь *поколенческим конфликтом*. Это объяснение просто невозможно обсуждать всерьез. Как мы показали выше, в городке и университете фактически не было поколенческого конфликта. И не только потому, что городок был моложе, чем обычные города, средний возраст жителей был около 30 лет, но и потому, что отношения студентов с предыдущим поколением складывались в совершенно другой парадигме, более адекватной академической среде, а именно как отношения «учителей» и «учеников». Нам повезло найти среди преподавателей НГУ не только научных руководителей, но и единомышленников и учителей жизни. С лучшими из наших профессоров мы заключили негласный союз и, как видно из уже сказанного, думали и действовали заодно. Так что ценность и особенность нашего движения состояла как раз в объединении усилий нескольких поколений ученых, а не в конфликте между ними.

Еще одним добровольным историком нашей темы выступил математик и общественный деятель М. Качан. Он поставил в своих статьях следующий вопрос: «Было или не было студенческое оппозиционное движение»? Интересно проследить, какие критерии он использовал, пытаясь ответить на этот вопрос: «А кто же все-таки руководил (группа, человек)? И было ли оно – общее руководство? Без такого руководства можно поставить под сомнение сам термин “движение”. И если они координировали свои действия, как утверждает В. Дорошенко, то как и в чем это выражалось? <>...какие всё-таки были выработаны взгляды и концепции и на что?» [11–13].

Как видно из данных нами выше определений, ни наличие общего руководства, ни наличие программы (концепции) не являются необходимыми характеристиками движения. Что же касается социально-политической направленности студенческой активности, то она состояла в поисках путей совершенствования политической системы, в которой мы жили, и в попытках изменения ее на локальном уровне: пересмотре миссии и статуса комсомола и других молодежных организаций в университете и стране, действиях по студенческому самоуправлению и сохранению автономии университета, в защите и расширении индивидуальных свобод, прежде всего свободы мысли и поиска решений по обновлению общества.

Хотя в приведенных определениях отсутствуют четкие критерии продолжительности, численности и организационной структуры как необходимых характеристик движения, надо отметить, что движение студентов НГУ 1960-х было *самым организованным и длительным в истории студенческо-*

го движения в СССР, что оно пошло дальше всех других известных студенческих движений того периода в формировании ячейки гражданского общества, создав в университете маленький «намытый остров» гражданского самоуправления, используя метафору из книги «Острова утопии» [20].

В студенческом движении НГУ в начале 1960-х возродились главные традиции студенчества между двумя революциями: свобода собраний и сходок, землячества, самоуправления, свой собственный кодекс поведения, немедленная реакция на преследование товарищей-студентов, солидарность с преподавательским составом в поддержании духа автономного университета [4].

В условиях монополии государства на создание и контроль движений наше студенческое движение могло существовать достаточно долго, только сохраняя свою «рыхлость» и «неоформленность». Были и другие причины того, почему мы открыто не заявили о себе как движении, их можно назвать концептуальными. Студенты НГУ первыми испытали на себе, что значит оторваться от официальной структуры (комсомол) и оказаться в бесструктурной среде, где надо заново формировать все связи и выстраивать свою структуру. Нам оказалось не под силу создать альтернативные организации и традиции, которые бы продолжили наше движение. Многие из нас, как, впрочем, и большинство граждан нашей страны, были наивными относительно возможных способов изменения нашего общества. Среди нас и рядом с нами не оказалось людей, которые могли бы помочь отразить и осмыслить наш опыт и передать его следующим поколениям студентов.

Не имея нужного социального образования и опыта, мы не столько изобретали

новые формы самоуправления и организации движения, сколько наполняли существующие реальным содержанием, превращали их из имитационных в реально действующие. К сожалению, созданные нами формы соорганизации оказались эфемерными, краткосрочными образованиями, поскольку без создания новых организаций и традиций, да еще в атмосфере «завинчивания гаек», они не смогли воспроизводиться.

Академгородок создавался как город будущего, соответственно и мы, студенты, обучающиеся в университете нового типа, воспринимали себя как людей будущего. К концу 1970-х, несмотря на усилия живущих в нем людей, городок пришел в упадок [14]. Понадобились ли мы стране как «люди будущего», или оказалось, что мы были не готовы воплотить наше будущее? Выполнили ли мы свою миссию по обновлению страны, или же по традиции ушли служить в «шарашки»? Ответ на этот вопрос предстоит дать будущим историкам, а также всем, кто жил в «утопии» под названием Академгородок.

Литература

1. Академик Александр Данилович Александров: воспоминания, публикации, материалы. – М.: Наука, 2002. – 369 с.
2. Берг Р.А. Суховей: воспоминания генетика. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 527 с.
3. Борзенков А.Г. Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самостоятельности на востоке России (1961–1991 гг.): в 2 ч. – Изд. 2-е, стер. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2003. – 2 ч.
4. Брачев В.С. Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть. Санкт-Петербургский университет в 1907–1911 гг. – СПб.: Астерион, 2014. – 253 с.
5. Гессен М. Совершенная строгость: Григорий Перельман: гений и задача тысячелетия. – М.: Астрель, 2011. – 272 с.
6. Гинзбург П.Ф. Моя жизнь в НГУ и окрест [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ngu71.com/docs/MGUNGU.pdf> (дата обращения: 26.10.2016).
7. Губочкин В. Тайна пятой задачи, или математический антисемитизм [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vmk78.narod.ru/> (дата обращения 26.10.2016).
8. «Дело» молодых историков (1957–1958 гг.) // Вопросы истории. – 1994. – № 4. – С. 106–135.
9. Дорошенко В.А. К истории студенческого движения в НГУ в 60-е годы // Наука в Сибири. – 1998. – № 9/10.
10. Дорошенко В.А. Как моя мама помогла И.С. // Алексеев И.С. Деятельностная концепция познания и реальности: избранные труды по методологии физики. – М.: Руссо, 1995. – С. 447–452.
11. Качан М.С. Академгородок, 1964. Пост 39–40. Оппозиционное студенческое движение в НГУ (2) – было или не было? [Электронный ресурс]. – URL: <http://academgorodock.livejournal.com/50357.html> (дата обращения: 26.10.2016).
12. Качан М.С. Не было движения, – сказала Севастьянова... [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.proza.ru/2013/04/13/308> (дата обращения: 26.03.2016).
13. Качан М.С. Оппозиционное движение по Дорошенко [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.proza.ru/2013/04/11/1789> (дата обращения: 26.10.2016).
14. Коршевев П. От города солнца к городу зеро // Наука в Сибири. – 2001. – № 32/33.
15. Крассильников С.А. Воспоминания о протесте студентов НГУ в поддержку диссидентов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nsu.ru/exp/2014/1/24/vospominaniya_o_proteste_studentov_ngu_v_podderzhku_dissidentov (дата обращения: 26.10.2016).
16. Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок в 1968: «письмо сорока шести». – Новосибирск: Офсет-ТМ, 2015. – 485 с.

17. *Лаурова А.* Из истории нельзя вырвать страницы. Интервью с профессором И.А. Молетотовым // Твой городок. – 2007. – 2 июля (№ 26).
18. *Миркин Б.Г.* Проблема группового выбора. – М.: Наука, 1974. – 256 с.
19. О времени и о себе. – 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. – 824 с.
20. Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е) / ред. и сост.: И. Ку克林, М. Майофис, П. Сафронов. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 716 с.
21. *Розов М.А.* Я опоздал на нашу встречу // Алексеев И.С. Деятельностная концепция познания и реальности: избранные труды по методологии физики. – М.: Руссо, 1995. – С. 420–438.
22. *Сигман К.* Политические клубы и перестройка в России. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 472 с.
23. *Шиловский М.В.* История университетского вольнодумия // Наука в Сибири. – 1997. – № 42.
24. *Штивельман Б.* Воспоминания Бори Штивельмана [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tphs.info/lib/exe/fetch.php/wiki:autor:sucheva:borus.pdf> (дата обращения: 27.10.2016).
25. *McAdam D., Snow D.A.* Social movements: readings on their emergence, mobilization, and dynamics. – Los Angeles: Roxbury Publ., 1977. – 557 p.

NGU: TO THE HISTORY OF THE STUDENT'S MOVEMENT IN 1960-S

Part 2

I. Zhezhko-Braun

American Political Association,
Boston, USA

irinazbraun@comcast.net

The student's movement in the 1960s in the Novosibirsk State University (NGU), the longest open legal student's movement of the Soviet period, is analyzed in this article. The previous publications on this subject do not present the movement in its entirety, nor properly reflect the nature of the phenomenon. The civil movement in Akademgorodok (the Academytown) and, in particular, at the NGU was a by-product of the famous Siberian experiment. Nowadays, this by-product is quite topical in search for the best strategy of social change. The article reconstructs and analyses the preconditions and factors of the student's movement, as well as the spectrum and directions of its political activities: self-organization and self-management, club activities, participation in choosing the Rector, protection of student political and academic freedoms, preservation of the autonomy of the university, etc. The conclusions about the nature of the movement are made based on numerous memoirs and available documents.

Keywords: student's opposition movement, civil society, self-organized life-style, 1960s, club, Novosibirsk State University, NGU, Akademgorodok.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-4.1-109-134

References

1. *Akademik Aleksandr Danilovich Aleksandrov: vospominaniya, publikatsii, materialy* [Academician Alexandr Danilovich Alexandrov: memoirs, publications, materials]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 369 p.
2. Berg R.L. *Sukhovei: vospominaniya genetika* [Sukhovey. Memories of the geneticist]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2003. 527 p.
3. Borzenkov A.G. *Molodezh' i politika: vozmozhnosti i predely studencheskoj samodeiatel'nosti na vostoke Rossii (1961–1991 gg.)*. V 2 ch. [Youth and politics: possibilities and limits of student initiative in the east of Russia (1961–1991). In 2 pt.]. 2nd ed. Novosibirsk, NSU Publ., 2003.
4. Brachev V.S. *Studencheskie besporyadki, professorskaya korporatsiya i vlast': Sankt-Peterburgskii universitet v 1907–1911 gg.* [Students unrest, professors corporation and the power: St. Petersburg State University in 1907–1911]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2014. 253 p.
5. Gessen M. *Perfect rigor: a genius and the mathematical breakthrough of the century*. Boston, Houghton Mifflin Harcourt, 2009 (Russ. ed.: Gessen M. *Sovershennaya strogosť: Grigorii Perel'man: genii i zadacha tysyacheletiya*. Translated from English. Moscow, Astrel' Publ., 2011. 272 p.).
6. Ginzburg I.F. *Moya zhizn' v NGU i okrest* [My life in the NSU and around]. Available at: <http://www.ngu71.com/docs/MGUNGU.pdf> (accessed 26.10.2016)
7. Gubochkin V. *Taina pyatoi zadachi, ili matematicheskii antisemitizm* [The secret of the fifth task, or the mathematical antisemitism]. Available at: <http://www.vmk78.narod.ru/> (accessed 26.10.2016)
8. “Delo” molodykh istorikov (1957–1958 gg.) [“The case” of young historians (1957–1958)]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 1994, no. 4, pp. 106–135.
9. Doroshenko V.L. *K istorii studencheskogo dvizheniya v NGU v 60-e gody* [To the history of student movement in NSU in 1960s]. *Nauka v Sibiri – Science in Siberia*, 1998, no. 9–10.
10. Doroshenko V.L. *Kak moya mama pomogla I.S.* [How my mom helped to I.S.]. Alekseev I.S. *Deyatel'nostnaya kontseptsiya poznaniya i real'nosti: izbrannye trudy po metodologii fiziki* [Activity theory of epistemology and reality: selected works in methodology of physics]. Moscow, Russo Publ., 1995, pp. 447–452.
11. Kachan M.S. *Akademgorodok, 1964. Post 39–40. Oppozitsionnoe studencheskoe dvizhenie v NGU (2) – bylo ili ne bylo?* [Akademgorodok, 1964. Post 39–40. Opposition student movement in NGU (2) – was it or was it not?]. Available at: <http://academgorodok.livejournal.com/50357.html> (accessed 26.10.2016)
12. Kachan M.S. *Ne bylo dvizheniya, – skazala Sevast'yanova...* [“The movement did not exist” told Sevast'yanova]. Available at: <http://www.proza.ru/2013/04/13/308> (accessed 26.03.2016)
13. Kachan M.S. *Oppozitsionnoe dvizhenie po Doroshenko* [The opposition movement according Doroshenko]. Available at: <http://www.proza.ru/2013/04/11/1789> (accessed 26.10.2016)
14. Korshever I. *Ot goroda solntsa k gorodu zero* [From the city of the sun to the city of zero]. *Nauka v Sibiri – Science in Siberia*, 2001, no. 32–33.
15. Krasil'nikov S.A. *Vospominaniya o proteste studentov NGU v podderzhku dissidentov* [Memoirs about the NGU students protest in support of dissidents]. Available at: http://www.nsu.ru/exp/2014/1/24/vospominaniya_o_proteste_studentov_ngu_v_podderzhku_dissidentov (accessed 26.03.2016)
16. Kuznetsov I.S. *Novosibirskii Akademgorodok v 1968: “pis'mo soroka shesti”* [Novosibirsk Akademgorodok in 1968: “letter of forty-six”]. Novosibirsk, Ofset-TM Publ., 2015. 485 p.
17. Lavrova A. *Iz istorii nel'zya vyrvat' stranitsy. Interv'yu s professorom I.A. Moletotovym* [One can't tear out pages from the history: an interview with professor I.A. Moletotov]. *Tvoi gorodok*, 2007, 2 July, no. 26.
18. Mirkin B.G. *Problema gruppovogo vybora* [The issue of the collective choice]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 256 p.
19. *O vremeni i o sebe* [On our time and us]. 2nd ed. Novosibirsk, NSU Publ., 2014. 824 p.
20. Kuklin I., Maiofis M., Safronov P., eds., comps. *Ostrova utopii: pedagogicheskoe i sotsial'noe proektirovanie poslevoennoi shkoly (1940–1980-e)* [Islands of utopia: Pedagogical and social design in post-war

schools (1940s–1980s)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015. 716 p.

21. Rozov M.A. Ya opozdal na nashu vstrechu [I was late for our meeting]. Alekseev I.S. *Deyatel'nostnaya kontseptsiya poznaniya i real'nosti: izbrannyye trudy po metodologii fiziki* [Activity theory of epistemology and reality: selected works in methodology of physics]. Moscow, Russo Publ., 1995, pp. 420–438.

22. Sigman C. *Clubs politiques et perestroïka en Russie: subversion sans dissidence*. Paris, Recyberches Internationales, 2009 (Russ. ed.: Sigman K. *Politicheskie kluby i perestroïka v Rossii*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 472 p.).

23. Shilovskii M.V. Istoriya universitetskogo vol'nodumiya [The history of the university free-thinking]. *Nauka v Sibiri – Science in Siberia*, 1997, no. 42.

24. Shtivel'man B. *Vospominaniya Bori Shtivel'mana* [Memoirs of Boris Shtivel'man]. Available at: <http://www.tphs.info/lib/exe/fetch.php/wiki:autor:sucheva:borus.pdf> (accessed 27.10.2016)

25. McAdam D., Snow D.A. *Social movements: readings on their emergence, mobilization, and dynamics*. Los Angeles, Roxbury Publ., 1977. 557 p.